

2. Роль западных идей в российском общественно-политическом сознании

УДК 929.62 (65)

П. П. Полх

Отечественные гербы и западная геральдическая традиция: в чем состояло западное влияние?

Domestic Coats of Arms and Western Heraldic Tradition: Assessing the Extent of Western Influence

На материалах отечественной дореволюционной геральдики рассматривается проблема соотношения западного влияния и самобытных тенденций в форме, элементах и изображениях на государственном российском гербе, гербах российского дворянства и земельных (городских) гербах. Вопрос анализируется применительно к функциональному назначению каждой из заявленных категорий, собственно элементам изображений и их смысловому значению. Выдвигается предположение о превалирующем влиянии элементов внешнего оформления на содержательные составляющие гербов.

This article examines Russian pre-revolutionary heraldry in order to illustrate the relationship between Western influences and distinctive Russian trends expressed through both the form and images on the Russian state coat of arms, coats of arms of the Russian nobility as well as land (city) coats of arms. The relationship between Western influences and distinctive Russian

trends in various coats of arms is examined by looking at their functional purposes as well as images contained in the coats of arms and their semantic value. The article discusses the prevailing influence of external design features on the internal components of various coats of arms.

Ключевые слова: геральдика, российский государственный герб, российские дворянские гербы, российская земельная геральдика.

Key words: Heraldry, Russian state coat of arms, Russian nobility coats of arms, heraldry of the Russian land.

Проблема взаимного влияния культур друг на друга, так называемого диалога культур, всегда будет иметь специфические особенности в любой отрасли духовной и материальной культуры, в любом социальном институте и, вероятно, в любой конкретной ситуации, когда присутствуют контрагенты этого «влияния». Само собой, при наличии определенных исторических и политических контекстов вопрос о том, кто на кого и как влиял, может приобретать особую остроту. Сказанное в полной мере относится к такой области человеческого знания, как геральдика.

Разговор о геральдике необходимо предварить уяснением значения данного понятия. Что может пониматься под геральдикой? Во-первых, нечто давнее, средневековое, связанное с рыцарскими турнирами и рыцарскими же гербами, украшавшими щиты своих владельцев. В этом смысле геральдика — удел медиевистов, а также любителей разбираться в искусстве составления гербов и их толкования. Последнее, кстати, достаточно востребовано у значительной части интеллектуалов. Во-вторых, геральдика в профессиональном историческом сообществе рассматривается как одна из специальных, или вспомогательных, исторических дисциплин, которые, по мнению ряда «конкретных» историков, должны снабжать необходимой справочной фактурой, необходимой для исторических реконструкций или пояснения каких-либо неопределенностей. Историки, занимающиеся геральдикой профессионально, естественно, настаивают на том, что она может иметь и самостоятельное, а не только прикладное значение [2, с. 41]. Наконец, в-третьих, геральдику можно понимать в контексте реализации функции сохранения и закрепления в общественном сознании определенных символов, смысловая нагрузка которых отнюдь не исчерпывается желанием запечатлеть в эмблеме или знаке небольшое количество информации, которое позволило бы

идентифицировать владельца [2, с. 43] (что относится к товарным знакам предприятий или эмблемам спортивных команд). Символическое сознание, в частности европейского Средневековья, — достаточно сложный феномен, требующий отдельного разговора.

Помимо указанных «исторических» обстоятельств, необходимо обратить внимание еще и на то, что гербы (а значит, и геральдика) — это и составная часть современного общественного сознания. Времена «живой» рыцарской геральдики давно канули в Лету, унаследовавшая ее традиции родовая геральдика (в основном дворянская, хотя не только) стала достоянием любителей древности, а также игр части интеллектуалов (в Интернете немало сообществ, создающих и регистрирующих гербы для желающих), но государственная и земельная (она же городская, областная, муниципальная) геральдика живет, причем не только в значках и магнитах на холодильниках. Практически все государства имеют свои гербы, которые не только украшают административные здания, но и используются в делопроизводстве. Мимо них не может позволить себе пройти и образовательный процесс в самых различных его формах. То же происходит с региональной и городской геральдикой — утвержденные установленным порядком гербы заносятся в реестр, используются и в делопроизводственной документации, и как наглядная агитация в самых разных случаях. Поэтому вопросы «что изображено?», «откуда это взято?» и «что это должно означать?» могут возникать у среднестатистического обывателя даже чаще, чем связанные с обстоятельствами событий из давнего или недавнего прошлого. В результате происходит синкретическое переплетение современных представлений о функциях эмблем-гербов (каждый элемент должен обозначать что-то предельно конкретное, существовавшее и способное передать актуальную информацию) и некоего налета древней сакральности (раз это попало на герб и сохранилось, значит, оно действительно того стоило), с добавлением обоснования какой-либо исключительности владельца герба (что присутствовало и в «рыцарские» времена).

Таким образом, вопрос о том, что в отечественных гербах наше, самобытное, а что — западное, приносное (не признавать того факта, что хотя бы внешняя геральдическая атрибутика пришла в Россию из Западной Европы, было бы абсурдно), далеко не праздный. Данная проблема ставилась еще в первом отечествен-

ном труде по исторической российской геральдике А.Б. Лакиера, написанном в середине XIX века [6, с. 10], когда в России впервые был поднят вопрос о законодательном закреплении «правильного» изображения государственного герба. Не потерял актуальности этот вопрос и сегодня, когда пособия по геральдике издаются во многих университетах, да и многочисленные любители и профессионалы разного уровня представляют свои обобщающие работы.

Автор статьи не причисляет себя к значимым специалистам по геральдике, но считает возможным поделиться своими наработками, связанными с определенным опытом преподавания геральдики как раздела курса вспомогательных исторических дисциплин. Общий контекст проблемы западного влияния на отечественную геральдику делится на три сущностных вопроса: 1) зачем нужен герб; 2) что и какими средствами должно на нем воспроизводиться; 3) какие идеи вкладывались в символику его изображения. Поскольку социокультурные функции гербов сильно различаются в зависимости от того, кому они принадлежали, выделим три центра (уровня), вокруг которых имеет смысл вести предметный разговор: государственный герб дореволюционной России; дворянские родовые российские гербы; дореволюционная земельная геральдика.

Концентр 1. Государственный герб. Ответ на вопрос о предназначении государственного герба более чем очевиден — это официальный символ страны и ее суверенитета. С позиций сегодняшнего дня даже трудно представить, что может быть как-то иначе. Однако разделение понятий «государь» и «государство» произошло далеко не сразу, причем не только в России. В нашем Отечестве, пожалуй, именно с эпохи Петра Великого присутствует понятие «служение государству», причем сам преобразователь относил это прежде всего к самому себе, в то время как большинство подданных продолжали служить государю и его вотчине — государству. Поэтому эмблемы на печатях, которые принято расценивать, начиная с конца XV века, как государственные печати-гербы, — это все же символы государя [3, с. 122], более того, конкретного государя, а не российского (московского) монарха вообще. Печать, в современном делопроизводстве воспринимаемая как один из реквизитов, придающих документу юридическую силу (по сути, закрепляя формальный должностной статус подпи-

савшего документ), в Средневековье брала на себя функцию идентификатора автора документа — в том числе и по причине неграмотности значительной части населения. Использование печатей русскими князьями и их подручными восходит ко временам Киевской Руси, но именно во второй половине XV века проявляется тенденция к использованию различных печатей в зависимости от статуса документа и корреспондента. К тому же московские князья начинают вести самостоятельную внешнюю политику с Европой, что предполагает и самостоятельную дипломатическую переписку. Символическая нагрузка, которая падает на изображение на печати, действительно велика (что о себе думают и что этим хотят показать), но гербом ее можно назвать очень условно — как символ государства она вряд ли воспринимается.

Впервые официально изображение двуглавого орла со всадником на груди было названо в дипломатических документах российским гербом при заключении Андрусовского перемирия с Речью Посполитой в 1667 году, в котором давалось описание гербовых печатей участников соглашения [8, с. 69]. Опять же герб здесь понадобился для внешнего употребления. Само слово «герб» прочно вошло в лексикон в XVIII веке, когда появился Департамент герольдии Сената, геральдические художники и нарисованные ими дворянские и городские гербы, однако словосочетание «государственный герб» и тогда почти не употреблялось.

Смена стилистических направлений в европейском и российском искусстве приводила к тому, что двуглавого орла изображали то с распушенными и поднятыми вверх крыльями (эпоха Екатерины II), то с вытянутыми по горизонтальной оси (при Александре I), то с направленными вниз (при Николае I), в лапах вместо скипетра и державы появлялись то ликторский пук, то зажженные с двух сторон факелы [3, с. 308, 313, 314]. Возникший в высших кругах в конце 1840-х годов вопрос, почему российский орел «опустил крыла», поставил следующий: а как на самом деле должен выглядеть орел на российском гербе? Поскольку официальной информации получить не удалось, решено было этот герб разработать в целях дальнейшего закрепления. Работу поручили нумизмату из Эрмитажа — барону немецкого происхождения Бернгарду (Борису Васильевичу в крещении) Кёне. Именно он и создал утвержденный в 1857 году (в окончательном варианте в 1882 году) российский герб, который во многих изданиях называ-

ется «большим историческим» (напр.: [4, с. 66]). Как видно, на всех этапах обращения власти к теме государственного герба прямым ответом на вопрос о его необходимости не озадачивались.

В данной связи позволим себе небольшую параллель: до принятия Конституции РСФСР вопрос о государственном гербе у большевиков тоже не фигурировал. Известная история об удалении меча с эмблемы «Серп и молот» В.И. Лениным весной 1918 года связана с обсуждением вопроса о государственной печати. Да и государственная печать первоначально появилась в конце 1917 года ввиду двух утилитарных обстоятельств (не вдаваясь в то, какое из них определяющее) — необходимости скрепить печатью документ о государственной независимости Финляндии и требований крестьян-ходоков выдать им документ непременно с печатью, иначе дома не поверят [5, с. 202, 205]. Тогда на печати появилась лишь надпись «Крестьянское и рабочее правительство России — Совет народных комиссаров», а утверждение государственного герба РСФСР произошло лишь осенью 1920 года.

Вернемся к уже начатой теме характера изображений на государственном гербе. Коль скоро государственная печать-герб неотделима от особы государя, то и изображение на ней должно олицетворять его притязания. Поэтому наиболее подходит образ вооруженного всадника-защитника своей земли. Впервые светский всадник появляется на отечественных печатях в середине XIII века у Александра Невского. Эту же эмблему, но не с мечом, а с соколом или с Евангелием использовали его сыновья. Затем эта традиция прерывается и появляется при Василии I, использовавшем печать, привезенную супругой Софьей Витовтовной из Великого княжества Литовского, где всадник с мечом («Погоня») уже утвердился в качестве государственного, а не личного княжеского герба. Василий II и Иван III использовали самые различные изображения на своих печатях (всадник с копьем — «ездец», лев, пожирающий змея, попарно скачущие в противоположные стороны кони с человеком между ними) [3, с. 94—95], это говорит о том, что власть находилась в активном поиске своего символа.

События, связанные с утверждением «самодержавства» и прекращением ордынской зависимости, здесь были скорее фоном, чем определяющей установкой. Знаменитая печать с двуглавым орлом 1497 года в этом ряду — одна из пробных версий, а отнюдь

не завершённый результат поиска, хотя бы потому, что двуглавый орел расположен на ее оборотной стороне (великокняжеский титул начинается на стороне со всадником), да и привешена она не к дипломатическому документу, а к договорной грамоте с белозерским удельным князем [8, с. 56]. Рисунок в книге Сигизмунда Герберштейна, изображающий Василия III, содержит и герб, на котором только всадник, поражающий копьем дракона [7, с. 18]. Доминантой на государственной печати-гербе изображение двуглавого орла стало лишь в 1562 году, когда всадник переместился на щиток на груди [8, с. 61]. Кстати, на оборотной стороне на щитке на груди орла изображался единорог, так что творческий поиск все еще продолжался...

Каждый век вносил что-то новое в элементы оформления: скипетр и держава «в пазноктах» у орла, три короны вместо двух, земельные эмблемы (XVII век), лента ордена Андрея Первозванного (Петровская эпоха), мальтийский крест (Павел I); о новациях первой половины XIX века сказано выше. Барон Кёне узаконил традиционную геральдическую форму щита («французскую»), сделал орла черным на золотом фоне, добавил массу элементов, герб стал эклектичным. Пожалуй, самое неоднозначное и самое «западное», что совершил Кёне, — разворот всадника в правильную геральдическую сторону, то есть влево от наблюдателя (щит рыцарь держит в левой руке, и тогда изображенная фигура наступает на противника) [3, с. 320]. В русской же традиции всадник должен ехать непременно направо (единственным исключением, по понятным причинам, была печать Дмитра-царевича, то есть Лжедмитрия, изготовленная польским мастером) [8, с. 65]. Как известно, данный недостаток исправлен уже в конце XX века на рисунке Е. Ухналева, утвержденном как герб Российской Федерации: всадник едет вправо на груди золотого орла на красном геральдическом щите (такого сочетания в дореволюционной России никогда не было) [3, с. 511]. Как видно, оснований для оценки западного влияния (как по происхождению тех, кто это влияние привнес, так и по его содержанию) достаточно. Пожалуй, главное наше самобытное начинание состоит в том, чтобы не делать геральдическую традицию устойчивой, постоянно вносить в нее новые элементы.

Обозначенный третий вопрос — о смысловом содержании геральдических элементов — представляется самым острым в ди-

хотомии «наше / западное». С одной стороны, мы имеем каноническую версию, родившуюся, вероятнее всего, во времена Ивана Грозного и возведенную в ранг научной В.Н. Татишевым и Н.М. Карамзиным: династический брак Ивана III и Софьи Палеолог, наследование двуглавого орла от Византийской империи («Москва — третий Рим»).

Изучавшие в советскую эпоху геральдику и сфрагистику историки приводили критику византийской версии дореволюционными исследователями, ставя ее под сомнение, но не опровергая. В 1990-е годы стала популярной альтернатива, связанная с версией Г. Алефа и М. Хеллмана: в европейской традиции одноглавый орел — символ королевской (княжеской) власти, двуглавый — императорской (царской) [3, с. 136—137]. Иван III, отвергший предложение Максимилиана Габсбурга принять из его рук королевскую корону, подчеркнул свою самостоятельность: он равновелик императору Римской империи, потому и на печати — двуглавый орел. Таким образом, в ответ на появление двуглавого орла у Гогенштауфенов в XII веке [8, с. 38—39], его использование на гербах Австрийской империи, Сербии и Албании всегда найдутся и византийские, и древневосточные, и крымские (Мангупское княжество [3, с. 135]) такие же двуглавые птицы. При этом согласие перевести историю с династическим браком как основание для заимствования орла в разряд исторических анекдотов отнюдь не исключает стремления доказать если уж не византийское, то, по крайней мере, незападное происхождение нашего государственного символа. Очевидно, что проблема принимает не столько научный, сколько мировоззренческий характер.

Концентр 2. Родовая геральдика. Здесь при ответе на вопрос «зачем» можно ограничиться констатацией: родовой дворянский герб — это хранитель социальной памяти, свидетельство древности рода, указание на заслуги предков, позволяющие ими гордиться. Однако при переносе этой констатации на российскую почву возникает множество оговорок, связанных со спецификой сословного сознания нашего боярства и дворянства в допетровскую эпоху. Дело даже не в том, что рыцарских турниров и гербов у нас не было, сословные права не были законодательно оформлены — в конце концов, существовало местничество, при котором дворцовая и военная иерархии, основанные на давности службы рода, подразумевали сохранение социальной памяти о заслугах

предков. Но государева служба была для дворян обязанностью, не совсем и не для всех посильной, и потому не всегда почетной. Желание (или необходимость) гордиться этой службой фактически навязывалось Петром I, этой же цели должны были способствовать и внешние атрибуты дворянского звания в понимании царя, в том числе и гербы. Право пользоваться ими было дано еще в конце XVII века тем, у кого они были (в основном иностранцы, причем немалое количество поляков), возможность составления появилась с открытием Департамента герольдии Сената в 1722 году [4, с. 60], однако дворянство реализовать право на гербы не торопилось.

Показателен факт наиболее массового составления гербов в XVIII веке, когда после успешного дворцового переворота в 1741 году Елизавета отблагодарила 300 поддержавших ее лейб-кампанцев (гвардейцев Преображенского полка) потомственным дворянством и гербами. Необходимое количество гербов с обязательным элементом — серебряным стропилем на черном фоне с тремя зажженными гранатами — было изготовлено и выдавалось при обращении (вероятно, была возможность выбора из предложенных вариантов) [1, с. 80, 107, 111]. Большая часть осталась невостребованной и сохранилась в архиве Сената как лейб-кампанские гербы без указания на владельца.

Безусловно, в дальнейшем, по мере того, как служба для дворян превращалась из почетной *обязанности* в *почетную* обязанность, гербами обзаводились титулованные особы, лица, выслужившие дворянство (в том числе из купеческого звания), и представители благородного сословия, готовые заплатить несколько сотен рублей за комплект из грамоты, подтверждавшей дворянское достоинство, копии Жалованной грамоты дворянству и утвержденного рисунка герба. Начатый при Павле I «Общий гербовник российского дворянства» к началу XX века включал в себя 3127 гербов (21 том, из которых изданы были только 10). К этому следует прибавить ряд гербов, не включенных в официальный Гербовник, и гербы дворян западных частей Российской империи, и тогда мы получим около 10 тысяч гербов [1, с. 40], составляющих наше геральдическое родовое наследие — весьма скромная цифра по сравнению с европейскими государствами. Отсюда — неутешительный вывод о том, что герб был не самым необходимым атрибутом значительной части дворянства.

Говоря о форме и содержании изображений на гербах, нужно отметить несомненное влияние западноевропейской геральдической традиции, особенно когда дело касалось гербов родов, претендовавших на западное происхождение. Собственно, и ориентироваться на что-либо, кроме западных сочинений или адаптированных пересказов (например, «Символы и эмблемата» Нестора Максимовича (Амбодика)), было не на что. Упомянутый А.Б. Лакиер доказывал, что в российских гербах немало самобытного, особенно у родов восточного (как правило, татарского) происхождения [6, с. 230—235], но вольности в трактовке теоретической геральдики взялся исправлять Б.В. Кёне, предложивший законодательную регламентацию корон, шлемов, форм щитов и характера изображений [1, с. 212—213]. Рюриковичи получили «родовые» гербы, которых раньше не знали (черниговская ветвь — Архангела Михаила, смоленская — смоленский герб, ростовская — ростовский, а стародубская — изображение старого дуба), Гедиминовичи — Литовскую Погоню, роды прусского происхождения — два тевтонских креста на красном фоне и т. д. Основная масса выслуживших дворянство — атрибуты, связанные со службой: корабли и снасти — у морских офицеров и адмиралов; военная атрибутика и взятые крепости — у сухопутных чинов; перья, книги, трудовые пчелы и муравьи — у гражданских чиновников. Ряд дворян обрели говорящие гербы: рак — у Раковых, ладья (струг) — у Струговщиковых, жук — у Жуковых, ворон — у Врангелей, медведь — у Беренсов и т. д. [1, с. 156, 167, 171].

В этом отношении символика русских дворянских гербов (в особенности составленных после середины XIX века) демонстрирует превалирование рациональности над сложностью образов, что не может не радовать любителей определять, что герб означает, и дает благодатный материал для учебных занятий по геральдике. Вопрос о западном влиянии также ложится в замечательную схему: «западная форма» — «самобытное содержание», не создавая почвы для идеологических дискуссий.

Концентр 3. Земельная и городская геральдика. Здесь ответ на вопрос о функциональном назначении гербов и их ценности значительно более разводит европейскую и отечественную традиции. Геральдический щит средневекового города делал торговоремесленное поселение равновеликим феодалу, у которого городская земля подчас была отвоевана. Герб для города или земли —

символ относительного суверенитета, помещение на свой щит герба иной земли означало ее покорение.

Из этих почти аксиом российская геральдическая традиция хорошо усвоила лишь последнюю составляющую. Размещение земельных эмблем на государственном гербе впервые прослеживается в 1577 году на большой печати Ивана Грозного [9, с. 99]. Из 22 изображений, входивших в царский титул (включая претензии на не завоеванную к тому времени Ливонию), далеко не все можно назвать земельными гербами — у большинства центров бывших русских княжеств этих гербов просто не было. Кроме того, предложенные эмблемы, соответствовавшие ассоциациям изготовителей печати, часто становились гербами уже в XVIII веке. Собственно, источники российской допетровской земельной геральдики, за исключением очень небольшого числа городских (по сути, воеводских) печатей, и представляют собой подобные эмблематические коллекции, подчеркивающие величие монарха. Самая яркая из них — «Титулярник» Алексея Михайловича 1672 года, содержащий рисунки 33 эмблем земель, входивших в царский титул [5, с. 136]. Этот ряд логически завершается уже известным историческим гербом Б.В. Кёне, где земельных гербов или эмблем в составе гербов более сорока.

Получается, что земельная геральдика призвана была подчеркивать величие монарха, а не достоинство городов, которым гербы принадлежали. В послепетровское время взялись за составление именно городских гербов. Занимались этим люди, хорошо (как приглашенный Петром пьемонтец Франциск Санти) и слабо (как профессор права Кёнигсбергского университета И.С. Бекенштейн, рисовавший гербы для полков Слободской Украины) знакомые с европейской геральдикой [7, с. 68—69] или доходившие до всего самостоятельно (как художник и герольдмейстер Василий Адодуров) [1, с. 80]. Бум составления городских гербов пришелся на период после губернской реформы 1775 года и Жалованной грамоты городам 1785 года, когда не только было даровано право иметь герб всем городам, но и возникла необходимость помещать его на печатях уездных учреждений и уездных административных зданиях, столбах на границах уездов и нагрудных знаках должностных лиц. В следующем столетии сюда прибавятся пуговицы мундиров гимназистов и марки земских сборов [7, с. 107—109]. Таким образом, городской герб превратился в атрибут административной власти, но никак не в символ городского самоуправления.

Поскольку гербы стали плодом творчества чиновников, вопросы о характере их изображений и символическом значении можно не разделять. Ряд изображений действительно свидетельствуют о занятиях местных жителей, но последняя тенденция скорее характерна для поздне- и постсоветского времени (преимущественно для моногородов) [9, с. 156—157]. Часто здесь мы видим природные особенности, «говорящие гербы» (три лука у Великих Лук, куропатки на курском гербе, колонна на коломенском), а также благословляющие руки, выходящие из облака (Псков, Вологда, Вятка и др.), имперские символы — у городов западной части империи, где прежние гербы оказались вытеснены. Если у дворян могли уточнить, что именно они хотели видеть на своем гербе, то городские общества просто ставили перед фактом того, какой герб утверждался. Вопрос о степени западного влияния, если не считать некоторые действия по унификации изображений, осуществленные тем же Кёне, поднимать не приходится.

Подводя итог разговору о западном влиянии, следует вернуться к тому, что сама геральдика как система знаний досталась России именно в западном варианте. Принимая эту форму, необходимо было принять и правила игры, систему координат, внутри которой имеет смысл оценивать достижения собственной геральдической мысли и давать оценку другим. Вне этой системы и правил говорить о какой-то самобытной геральдике, ее функциональном назначении и символических составляющих бессмысленно. Рискнем заметить, что сказанное касается не только геральдики и даже не только духовной культуры.

Список литературы

1. *Борисов (Ильин) И.В.* Родовые гербы России. М. : Виктория ; Калининград : Янтарный сказ, 1997.
2. *Введение* в специальные исторические дисциплины. М. : Изд-во МГУ, 1990.
3. *Герб* и флаг России. X—XX века. М. : Юридическая литература, 1997.
4. *Егоров С.* Геральдика для всех. М., 2002.
5. *Каменцева Е.И., Устюгов Н.В.* Русская сфрагистика и геральдика. М. : Высшая школа, 1974.
6. *Лакиер А.Б.* Русская геральдика. М. : Книга, 1990.
7. *Соболева Н.А.* Старинные гербы российских городов. М. : Наука, 1985.

8. *Соболева Н.А.* Российская государственная символика. М. : ВЛАДОС, 2002.

9. *Соболева Н.А. и др.* Гербы российских городов. М. : Профиздат, 1998.

Об авторе

Павел Петрович Полх — кандидат исторических наук, доцент Института гуманитарных наук, БФУ им. И. Канта.

Email: p.polkh@mail.ru

Bio

Dr. Pavel Polkh is a Doctoral Candidate in History, Associate Professor in the Institute for Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

Email: p.polkh@mail.ru

УДК 94(47).08

А. А. Кузнецов

Идеи парламентаризма и гражданских свобод в России

The ideas of parliamentarism and civil liberties in Russia

Проанализированы различия в формировании гражданских свобод на Западе и в России, главное из которых — иная последовательность их востребованности и установления в государстве и обществе. Запад прошел через последовательное обретение религиозной, гражданской и наконец — политической свободы. В России правительственный конституционализм проявился в ряде проектов XIX века и в создании Думы в 1905 году. Русские консерваторы и левые радикалы осуждали представительный строй. Либералы видели в парламентаризме свою цель, но они переоценивали зрелость российского общества, не учитывая рост социальных конфликтов в ходе модернизации.

This paper analyzes differences in the establishment of civil liberties in Western countries and in Russia, the key difference relating to a different sequence in terms of demand for civil liberties impacting their establishment within the Russian state and society. While the West went through the sequential acquisition of religious, civil, and finally political freedom, Russian governmental constitutionalism manifested itself in a number of projects of the XIX century as well as in setting up of the Duma in 1905. Russian conserva-